

В диссертационный совет 24.2.320.07 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149)

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Шипуновой Марины Николаевны «Обман как уголовно-правовой феномен», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Краснодар, 2024. – 212 с.)

Актуальность рассматриваемого исследования бесспорна. В настоящее время, в период пика развития искусственного интеллекта и цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества, злободневность фундаментального и прикладного осмысления обмана как уголовно-правового феномена ощутимо возросла. Дело в том, что «цифра» сделала границы реализации криминального обмана беспрецедентно широкими. При этом в уголовном законе постепенно увеличивается число норм об ответственности за обманное поведение. В таких условиях разработка понятия обмана применительно к уголовному праву, его классификация, определение границ преступного обмана и форм его проявления является необходимым условием решения многих насущных проблем правоприменения и конструирования составов «обманных» преступлений. Кроме того, поставленные автором вопросы и их решение с учетом реалий времени способны повлечь переосмысление ряда устоявшихся положений отечественной уголовно-правовой доктрины. Поэтому подготовка диссертационного исследования на данную тему является весьма полезным и актуальным событием в юридической науке.

Касаясь степени разработанности темы, стоит согласиться с автором в том, что имеющиеся в теории исследования направлены в основном на изучение обмана как уголовно-правового феномена «в контексте разработки проблем более частного порядка, посвященных противодействию отдельным преступлениям, совершаемым обманным способом». Наибольшее внимание учеными-правоведами уделено, как известно, мошенническому обману. Вместе с тем, круг задач, требующих решения, гораздо шире. Так, в настоящее время не определено «положение обмана в структуре механизма уголовно-правовой охраны», возникают проблемы квалификации преступлений, совершаемых обманным

способом, а новые формы обмана, закрепляемые в уголовном законе, «требуют своего критического анализа, в том числе для осмысления возможных перспектив развития УК РФ» (с. 6-7).

Цель работы М.Н. Шипуновой состоит в получении нового научного знания о содержании и уголовно-правовом значении обмана, разработке научно обоснованных рекомендаций по квалификации преступлений, совершаемых путем обмана (с. 8). Для реализации данной цели автором был поставлен ряд задач, в частности: осуществить этимологический, социально-психологический и философско-этический анализ обмана как модели поведения человека; сформулировать понятие обмана в уголовном праве и выделить его виды; разработать проблему определения пределов преступного обмана; раскрыть уголовно-правовое значение обманного способа совершения преступления; проанализировать особенности и проблемы квалификации преступлений, совершаемых путем обмана; разработать проблему обмана как преступления по российскому уголовному законодательству; проанализировать особенности и проблемы квалификации обмана как преступления; обосновать предложения по совершенствованию правоприменительной практики и действующего уголовного законодательства в части установления и дифференциации ответственности за обманные преступления (с. 8-9). *После внимательного изучения научного труда соискателя у нас нет сомнений в том, что указанная цель им достигнута, а поставленные задачи успешно решены.*

В достаточной степени разработаны автором *теоретическая, методологическая, нормативная и эмпирическая основы исследования.* Добротной является *эмпирическая база*, в качестве которой, среди прочего, задействованы: официальная статистика о применении уголовно-правовых норм об ответственности за «обманные» преступления за период с 2010 г. по 2023 г.; постановления Пленума Верховного Суда РФ; постановления и определения Верховного Суда РФ по конкретным делам; 176 судебных решений (приговоров и постановлений) и 45 материалов уголовных дел по делам о преступлениях, совершаемых обманым способом (ст. 110.1, 128.1, 139, 150, 159-159.6, 165, 207.1, 207.2 УК и др.), за период с 2000 г. по 2023 г.; данные анкетирования 235 респондентов (55 судей, 35 прокуроров и их помощников, 50 представителей органов предварительного расследования, 30 адвокатов, 65 кандидатов и докторов юридических наук по основным теоретическим и практическим вопросам, связанным с уголовно-правовым значением обмана) в следующих

регионах: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Волгоградская область, Воронежская область, Липецкая область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край. Этим же в значительной степени определяется *достоверность результатов исследования*.

Научная новизна диссертации не вызывает никаких сомнений и видится в разработке автором новаторских положений и выводов, развивающих и углубляющих теоретические представления об уголовно-правовом значении обмана. М.Н. Шипуновой выработано новое определение обмана как уголовно-правового феномена, предложена его классификация, включающая, помимо преступного обмана, уголовно-нейтральный и уголовно-охраняемый обман. Автором аргументировано разделение обманного преступления на преступление, совершаемое обманым способом, и обман как преступление. В диссертации разработаны обладающие новизной и предложения *de lege ferenda*, направленные на совершенствование действующего законодательства. Так, в свете процессов цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта автор обосновал предложение о выделении в системе дифференциации ответственности исследуемых преступлений квалифицирующего признака «с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека». Заметной новизной для науки и практики обладают предложенные диссертантом варианты решения сложных вопросов квалификации криминального обмана (*de lege lata*). Свое предметное выражение научная новизна работы нашла в положениях, выносимых М.Н. Шипуновой на защиту (с. 12-18).

Теоретическая и практическая значимость исследования также очевидна и выражается, прежде всего, в том, что его положения и выводы развивают отечественную уголовно-правовую доктрину в части такого сложного феномена как обман. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для разрешения актуальных проблем правоприменения, в том числе для выработки конкретных алгоритмов квалификации посягательств, совершаемых путем обмана.

Диссертационный труд прошел *надлежащую апробацию* на различного рода научно-практических конференциях, а также посредством их отражения в 7 научных публикациях, 5 из которых размещены в изданиях из «перечня», рекомендованного ВАК Минобрнауки РФ.

Диссертационное исследование М.Н. Шипуновой производит самое благоприятное впечатление. В качестве общих достоинств диссертации следует отметить: глубину теоретического осмысления проблематики обмана как уголовно-правового феномена; избранный автором методологический подход; четкое структурирование работы; последовательность изложения материала; широкое использование материалов судебной практики; взвешенность и добротную аргументированность предложений. Все это позволило обеспечить комплексный характер работы, полноту исследования проблематики, достижение цели и продуктивное решение поставленных задач. При этом работа отличается самобытным, изящным научным стилем; отрадно, когда глубокие по содержанию рассуждения получают достойное текстуальное оформление.

Композиция диссертации включает введение, три главы, объединяющие семь параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

В *первой главе работы* (с. 21-79) автор исследует природу обмана, уделяя внимание его различным аспектам, в результате чего приходит к справедливому, по нашему мнению, выводу о «многоликости» изучаемого явления, которая в значительной степени усложняет ответ на вопрос, каковы границы преступного обмана. Затрудняет задачу и то, что в доктрине уголовного права обман исследуется в основном как способ совершения мошенничества, однако этим его уголовно-правовое значение не ограничивается. Следует согласиться с автором, что «обманные действия выступают основным либо сопутствующим способом совершения многих преступных посягательств» (с. 57).

В целях определения пределов преступного обмана автор тщательно исследует сложные дискуссионные вопросы, связанные с отграничением мошенничества в сфере оккультизма от непреступных деяний (с. 59), поднимает проблему установления ответственности за тренинги личностного роста, которые не привели к ожидаемому результату (с. 60), пранки (с. 63-66), изучает возможность совершения неосторожных преступлений обманым способом (с. 75-77). При исследовании вопросов, связанных с адресатом преступного обмана, М.Н. Шипунова приходит к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что им может выступать только «физическое лицо, способное к восприятию информации». В результате чего в диссертации не только очерчиваются пределы обмана, но и указываются конкретные определяющие его факторы, к которым относятся правомерный и (или) социально допустимый характер самого обманного поведения, форма обмана, признаки адресата информации,

содержание распространяемой информации. Также автор приходит к выводу, что пределы преступного обмана как самостоятельного преступления определяются общими критериями криминализации.

Заслуживающим внимание представляется разделение злонамеренных, то есть преступных обманов, и добронамеренных обманов, к числу которых относится уголовно-охраняемый обман, уголовно-нерелевантный обман и квазиобман (фикционный обман).

Мы солидарны с тезисом о том, что «излишняя криминализация причиняет больше вреда, чем пользы», и что «в ситуации разрешения вопроса об установлении уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации нужно проявлять еще большую осторожность» (с. 78). Действительно, такого рода преступления не обладают качеством прямого непосредственного причинения вреда человеку, а их составы имеют, как правило, формальную конструкцию. Кроме того, криминализация обмана самым тесным образом соприкасается с проблемой правового ограничения свободы слова и самовыражения. И нельзя допустить, в чем также, как представляется, прав автор, уголовного преследования рядовых обывателей, уверовавших в настойчиво навязываемые им «истины» (с. 78).

Во *второй главе* работы (с. 80-130) автор раскрывает многогранное уголовно-правовое значение обмана. Значительный теоретический интерес представляет предложенная автором система обманных преступлений, которая выглядит следующим образом: «1). преступления, совершаемые обманным способом, в которых распространение ложной информации не является целью деяния, а выполняет исключительно инструментальную роль; 2). преступные обманы – преступления, совершаемые путем обмана, основной целью которых является создание и (или) распространение недостоверной информации; 3). преступные подлоги и фальсификации – преступления, не предполагающие в содержании объективной стороны воздействие на психику другого человека, однако основной целью которых также является создание и (или) распространение заведомо ложной либо искаженной информации» (с. 80 - 90).

В диссертации обман как способ совершения преступления анализируется также с юридико-технической точки зрения. И здесь выделено четыре модели конструирования составов «обманных» преступлений: «а). обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); б). используются

конструкции содержательного соответствующие обманному способу посягательства (внесение/предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); в) обманный способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; г) обманный способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения» (с. 82).

В диссертации поднимаются и вдумчиво разрешаются проблемные вопросы квалификации «обманных» преступлений: неоконченных; «обманных» преступлений, совершенных в соучастии; длящихся и продолжаемых «обманных преступлений». С большинством рекомендаций, сформулированных М.Н. Шипуновой, мы согласны. В частности, с тем, что «в случае передачи денежных средств под контролем правоохранительных органов и в ходе осуществления специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение преступной деятельности, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ» (с. 103). Верно оговорено, по нашему мнению, и исключение из этого квалификационного правила: «в ситуациях, когда виновный своими действиями срывает проведение оперативно-розыскных мероприятий и скрывается от правоохранительных органов с денежными средствами (не муляжами), содеянное может быть квалифицировано как оконченное преступление» (с. 103).

Познавательным и заслуживающим внимания представляется исследование автором вопроса относительно возможности совершения мошенничества путем обмана в цене (с. 119-124).

В *третьей главе диссертации* (с. 131-175) автор исследует конструкцию обмана как преступления в истории российского уголовного права, в результате чего приходит к выводу о возможности разделения «обманных» преступлений на ординарные (естественные) и экстраординарные, криминализация которых произошла вследствие «социальных потрясений (война, революция, пандемия и т.п.)»; именно на данном этапе находится современное отечественное уголовное законодательство (с. 132-143). При этом нам импонирует исходная посылка автора: «конструкция «обман как преступление» применима только к тем общественно опасным деяниям, в которых обманное поведение является как способом, так и самоцелью деяния. Иными словами, как само деяние, так и желаемый виновным результат заключается в одном – создать или поддержать ложное представление у конкретного человека либо неограниченного круга лиц

относительно определенных фактов, событий, явлений, процессов и т.п.» (с. 131).

На наш взгляд, есть все основания солидаризироваться и с тезисом о том, что «отечественное уголовное законодательство проходит этап экстраординарной криминализации обманного поведения, вызванный вначале обстановкой мировой эпидемии Covid-19, а позднее осложнением международной обстановки и усилением внутри-политических противоречий; признание этого факта, полагаем, дает как трезвое понимание вынужденности и необходимости конкретных решений, так и вполне четкое представление о сопутствующих тому рисках, прежде всего на уровне правоприменения» (с. 143).

Принимая во внимание огромный скачок в развитии искусственного интеллекта и процессов цифровизации, диссертант вносит значимое в теоретическом и практическом смысле предложение (обладающее, как уже отмечалось, несомненной новизной) о возможности выделения новогоотягчающего обстоятельства и квалифицирующего признака: «с использованием аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека» (с. 144 -147).

Достаточное внимание уделяется в диссертации и частным вопросам квалификации обмана как преступления, они рассматриваются на примере применения отдельных статей УК РФ. На основании всестороннего анализа научных работ, законодательных источников и судебной практики автор проводит разграничение между ст. 207.3 УК РФ и ст. 128.1 УК РФ, ст. 280.3 УК РФ. Следует согласиться с тем, что деяние, описанное в ст. 207.3 УК РФ, является полноценным обманом – лицо понимает, что распространяет неправдивые сведения и желает этого в целях формирования ложных убеждений у других лиц. В то же время дискредитация по смыслу ст. 280.3 УК РФ – это не обман в строгом смысле, а негативные оценки с возможным использованием ложных сведений, в достоверности которых сам виновный либо убежден, либо находится в неведении об этом. Соответственно, в работе делается правильный, на наш взгляд, вывод о том, что вполне допустима ситуация применения ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ в идеальной совокупности. Понятно, что такая оценка допускается лишь в случае соблюдения условия о повторности в ст. 280.3 УК РФ; в остальных же случаях возможно применение ст. 207.3 УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ (с. 165).

В диссертации предложены новые редакции ст. 207.2 УК РФ и ч. 4 ст. 303 УК РФ, в которых устраняются юридико-технические дефекты данных законодательных предписаний. Весьма важным и заслуживающим поддержки

нам представляется предложение диссертанта о необходимости дополнить ст. 207.1 УК РФ, ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ квалифицирующим признаком: «в средствах массовой информации или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (данная идея закономерно, на наш взгляд, поддержана 84 % респондентов) (с. 168).

Подытоживает работу весьма информативное и в то же время емкое заключение, в котором аккумулированы основные выводы и предложения исследования (с. 176-184).

Следует подчеркнуть, что автореферат диссертации отвечает предъявляемым требованиям и адекватно отражает содержание диссертации. В опубликованных М.Н. Шипуновой работах нашли достаточно полное отражение полученные в ходе научного исследования результаты, в том числе в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Высоко оценивая подготовленный М.Н. Шипуновой труд, представляется необходимым, вместе с тем, обратить внимание на ряд его положений, вызывающих желание по diskutieren.

Во-первых, логически небезупречной представляется классификация моделей конструирования составов «обманных» преступлений (с. 82). Дело в том, что третий вид («обманный способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования») и четвертый вид модели («обманный способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения») находятся в состоянии логического пересечения. Тот же состав похищения человека (ст. 126 УК РФ) в полной мере может быть отнесен и к третьему, и к четвертому виду конструкции, поскольку обман как способ совершения данного преступления поддержан одновременно на уровне доктрины уголовного права, судебного толкования и правоприменения.

Во-вторых, излишне категоричным представляется вывод автора о том, что в ситуациях, когда виновный своими действиями срывает проведение ОРМ и скрывается от правоохранительных органов с денежными средствами (не муляжами), потерпевшим должен признаваться тот субъект, который предоставил денежные средства для проведения ОРМ. Данный вывод основан на тезисе автора о том, что «если на момент передачи денежные средства не

принадлежали потерпевшему и были выданы ему правоохранительными органами для проведения ОРМ», то уже «невозможно причинение ущерба потерпевшему» (с. 103).

Примечательно, что анализ судебной практики, предшествующий данному выводу, противоречит ему, так как в приводимых диссертантом случаях потерпевшими признавались именно обманутые физические лица, несмотря на то, что денежные средства были выданы им правоохранительными органами для передачи их в рамках ОРМ. И, на наш взгляд, этот подход в судебной практике вполне логичен. В ходе исследования неоднократно и справедливо отмечается, что обман – явление «многоликое». Преступник может воздействовать на жертву самым изощренным способом, выбирая в качестве мишени наиболее уязвимые места, может использовать трудную жизненную ситуацию, когда человек восприимчив к различного рода обманам, действовать самым аморальным способом. При этом воздействие на психику физического лица может продолжаться достаточно длительное время.

В тоже время возможность признания лица потерпевшим не ограничивается только лишь причинением ему имущественного вреда. Вопрос о возможности компенсации морального вреда, причиненного преступлением против собственности, был неоднократно предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который установил, что «признание лица потерпевшим от преступления против собственности предполагает, что такого рода преступление, нарушая в первую очередь имущественные права потерпевшего, одновременно посягает и на такое важнейшее нематериальное благо, как достоинство личности, а также может посягать и на иные нематериальные блага либо нарушать личные неимущественные права и тем самым – при определенных обстоятельствах – может порождать у этого лица физические или нравственные страдания» (Постановление от 26.10.2021 № 45).

Следует учитывать также, что потерпевший как участник уголовного судопроизводства, в отличие от свидетеля, обладает значительным объемом прав, а также собственными интересами, связанными с вопросами обвинения, доказывания и назначения наказания. При этом, согласно ст. 19 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», обеспечение социальной и правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, относится к расходным обязательствам РФ и осуществляется в установленном порядке.

Таким образом, рекомендация автора правоприменителям может повлечь существенное нарушение права обманутого лица (не собственника денежных средств, переданных в ходе ОРМ) на доступ к правосудию, защиту его прав, компенсацию морального вреда.

В-третьих, не в полной мере верным обоснованным, по нашему мнению, является предложение признавать преступным обман в цене, сопряженный со злоупотреблением ограниченными распознавательными способностями потерпевшего, обусловленные возрастом, неопытностью, плохой информированностью и т.п. (с. 124). Автор приводит хороший жизненный пример, когда потребитель что-либо приобрел по существенно завышенной цене, не проявив необходимую благоразумность и осмотрительность, называя это невыгодной сделкой и указывая на отсутствие криминального обмана (с. 119). При этом не указывается, в чем принципиальное отличие «плохой информированности», которая по своему существу является преодолимой, от непроявления необходимой благоразумности и осмотрительности. Полагаем, что столь расширительное толкование преступного обмана в цене может повлечь необоснованное уголовное преследование.

В-четвертых, противоречивым является тезис автора, вынесенный на защиту, о том, что «об обмане в уголовно-правовом значении нельзя говорить в ситуации, когда распространяемая неправда имеет форму иносказания, иронии, шутки и т.п., когда она выполняет не информативную, а коммуникативную функцию» (с.13). Аргументируя данное положение, автор приводит пример, когда продавец автомобилей в шутку преувеличивает свойства машины, не рассчитывая, что ему поверят покупатели. Диссертант указывает: «эта неправда (или откровенное вранье) не рассчитана на то, что ему поверят, в нем отсутствует само намерение на обман адресата информации» (с. 66-67).

Однако, приведенный пример не слишком информативен, так как он является утрированным, и значительный интерес для науки представляют конкретные жизненные ситуации. Не случайно автор указывает, что «сам по себе жанр сатиры не исключает возможной ответственности лица за дискредитацию, осквернение и т.п.», и что «следует утвердительно ответить на вопрос относительно возможной ответственности за дискредитацию по ст. 280.3 УК РФ в случае распространения нескрываемой лжи о Вооруженных Силах РФ» (с. 153-154). Полагаем, что вывод именно о форме обмана, которая заведомо влечет признание его непроступным, по меньшей мере, поспешный.

